

М. В. Кротова

Создание воинских мемориалов в Китае и Японии после Русско-японской войны: особенности культурного взаимодействия

Статья посвящена обстоятельствам создания воинских мемориалов после Русско-японской войны в Китае и Японии, в которых проявились как общие черты, так и особенности отношения русских и японцев к исторической памяти. В создании мемориалов определенную роль сыграли как японская администрация, так и рядовые японцы. Приведение в порядок русских захоронений, установка памятников русским воинам в Маньчжурии и Японии связаны с японским культом почитания героев. Акцент сделан на культурных особенностях коммеморативных практик русских и японцев. Статья основана на документах из Российского государственного исторического архива, материалах периодической печати, источниках личного происхождения.

Ключевые слова: Русско-японская война; Маньчжурия; Китай; Япония; захоронения; мемориалы; историческая память; коммеморативные практики; культурное взаимодействие

Maria Krotova

Creation of Military Memorials in China and Japan after the Russo-Japanese War: Features of Cultural Interaction

The article is devoted to the circumstances of the creation of military memorials after the Russo-Japanese War in China and Japan, which highlighted both common points and differences in the attitude of Russian and Japanese people to historical memory. In the creation of memorials to Russians, the activities of the Japanese administration and ordinary Japanese to put Russian graves in order, to erect monuments to Russian soldiers in Manchuria and Japan,

played a certain role. It was related to the Japanese cult of hero worship. The emphasis is placed on the cultural peculiarities of the commemorative practices of Russians and Japanese. The article is based on documents from the Russian State Historical Archive, periodical press materials, sources of personal origin. *Keywords:* Russo-Japanese war; Manchuria; China; Japan; burials; memorials; historical memory; commemorative practices; cultural interaction

Создание воинских мемориалов на местах былых сражений имеет большое значение для формирования определенного символического пространства, «территории памяти». Монументальные сооружения и памятники на местах военных действий и захоронений павших воинов – это и места репрезентации, и инструменты закрепления мифа о войне. Неудивительно, что теме воинских мемориалов и увековечиванию памяти воинов, погибших в Русско-японской войне, посвящено немало работ [12; 14; 15; 17; 18; 20; 21; 22; 25; 26]. Однако некоторые подробности устройства кладбищ и памятников в Китае и Японии оказались не затронуты исследователями. Обращение к документам из фондов Российского государственного исторического архива позволило уточнить хронологию и детали процесса создания мемориалов русским воинам, погибшим в Русско-японской войне. Особенно хотелось бы сфокусироваться на коммеморативных практиках японцев, которые в итоге стали стимулом к приведению в порядок русских могил и установке памятников на местах захоронений в Маньчжурии и Японии русскими представителями.

После окончания Русско-японской войны на территории Маньчжурии, Кореи и Японии осталось много захоронений погибших русских воинов. Отдельные могилы находились на русских кладбищах, устроенных еще во время восстания ихэтуаней и строительства КВЖД, некоторые были погребены на китайских кладбищах, но чаще всего во время крупных сражений погибших хоронили в полях, окопах, оврагах и ямах, в братских могилах. После подписания Портсмутского мирного договора 23 августа (5 сентября) 1905 г. южная линия КВЖД была передана Японии, таким образом, большинство захоронений русских воинов после окончания войны оказалось на территории Южной Маньчжурии,

контролируемой японцами, или на землях, принадлежавших китайцам. Главнокомандующий сухопутными и морскими вооруженными силами генерал Н. П. Линеви́ч приказом от 25 сентября 1905 г. за № 2053 предписал «заботиться приведением в полный порядок военных кладбищ», подчеркнув «высокое христианское значение» захоронений на полях битв в Маньчжурии как «памятников доблести защитников нашей Родины» [2, л. 2]. На погребение павших воинов были собраны пожертвования от войсковых частей в сумме 65 тыс. руб. [1, л. 8]. Однако согласно Сыпингайскому меморандуму от 17 (30) октября 1905 г. во время вывода войск передвижение «посторонних лиц» по территории Маньчжурии было ограничено, так что для подданных Российской империи въезд в Южную Маньчжурию был возможен только по специальному разрешению оккупационных властей [27, с. 28–29]. В августе 1906 г. меморандум был отменен, к марту 1907 г. Россия завершила вывод войск из Маньчжурии, в июле 1907 г. была заключена российско-японская общеполитическая конвенция, в результате которой произошло сближение между Россией и Японией, однако к устройству кладбищ российские представители так и не приступили. Как военное, так и дипломатическое ведомства Российской империи ссылались на недостаток средств.

По сведениям полковника Л. М. Болховитинова, пожертвованные войсковыми частями деньги (65 тыс. руб.) после расформирования штаба главнокомандующего перешли в распоряжение командующего войсками Приамурского военного округа. Эти средства должны были пойти на устройство братских кладбищ и памятников на полях наиболее крупных сражений в Маньчжурии – в Тюренчене, Янцелине, Порт-Артуре, Цзиньжоу, Вафангоу, Ташичао, Ляндансане, Ляояне, Шахэ и Мукдене. В Южную Маньчжурию предполагалось командировать одного штаб-офицера, трех обер-офицеров и 30 стрелков Восточно-Сибирских стрелковых полков для того, чтобы посетить места сражений и с помощью китайских рабочих перенести останки русских воинов на ближайшие братские кладбища, оградить их решетками, поставить памятники, поручить братские кладбища надзору российских дипломатических

представителей. Российский МИД снесся с пекинским и токийским правительствами, японские и китайские власти выразили готовность оказать содействие. Работы решили начать с весны 1908 г. По предварительным расчетам, предполагалось затратить около 25 тыс. руб.: по 800–1000 руб. на устройство братской могилы и по 1200–1500 руб. на постановку памятников [2, л. 2–3]. После этого в Хабаровске собрали особую комиссию для детального выяснения расходов, и в итоге была определена другая требуемая сумма – не менее 120 тыс. руб. Из-за ограниченности средств устройство кладбищ временно отложили [1, л. 8]. Только в Северной Маньчжурии кладбища были приведены в надлежащий вид – на эти цели было израсходовано 16 352 руб. [2, л. 2].

До 1909 г. для приведения в порядок русских воинских захоронений в Южной Маньчжурии фактически ничего сделано не было. И не только из-за отсутствия средств: итоги Русско-японской войны были болезненны для русского национального самолюбия. О войне и жертвах пытались забыть, так как они оказались напрасны, и, возможно, череда пышных празднований юбилеев в начале XX в. (200-летие Полтавской битвы, 50-летие отмены крепостного права, 100-летие Отечественной войны 1812 г., 300-летие дома Романовых) была призвана заслонить собой поражение России в войне [19, с. 87–88]. Сказалось и то, что Русско-японская война велась «культурно разными» державами [29, с. 8].

Можно предположить, что в привлечении внимания к проблеме русских кладбищ в Маньчжурии сыграли роль японские коммеморативные практики. Согласно японисту Александру Мещерякову, специфически японский культ почитания национальных героев появился в конце XIX в. в связи с модернизацией страны, но окончательно оформился уже после войны Японии против Цинской империи в 1894–1895 гг. [23]. На этом этапе закрепились форма ритуала поминовения павших, а впоследствии его укреплению способствовали милитаризм и национализм, возросшие за время войн Японии – завоевания Тайваня (1895–1902), подавления восстания ихэтуаней (1899–1901), Русско-японской войны (1904–1905). Именно после Русско-японской

войны Япония репрезентировала себя как «мужественную» и «благородную», возвысившуюся над «варварской» Россией [24, с. 39]. Этот образ поддерживался также благодаря отношению японцев к захоронениям русских воинов.

Еще в период военных действий русскую публику поразило отношение японцев к погибшим русским героям. Показательна история гибели сотника 2-го Читинского полка Забайкальского казачьего войска Александра Зиновьева, сына петербургского губернатора, выпускника Пажеского корпуса, офицера гвардейской кавалерии. Ему было 24 года, когда он добровольцем пошел на войну и был убит 10 мая 1904 г. в стычке с японцами. Узнав о смерти сына, отец обратился в британское посольство с просьбой помочь выяснить обстоятельства его гибели. Англичане связались с Токио, и вскоре японцы прислали не только карту с обозначением места гибели Александра Зиновьева, но и личные вещи погибшего. Представители Русской духовной миссии в Японии разыскали в лазарете раненого японского офицера, убившего в перестрелке Зиновьева. Они сообщили в Петербург его адрес, а также адрес его родителей, после чего завязалась переписка [11, с. 236]. По воспоминаниям Б. А. Энгельгардта, родители Зиновьева получили письмо от японца Миномидани Сатаро: «Ваш сын умер смертью героя – нас было много, он был один и не захотел сдаваться. Моя рука нанесла ему смертельный удар, но я имел честь быть раненным рукой героя». Одновременно пришло письмо от родителей Сатаро, в котором они выражали уверенность, что душа героя обрела на небе «заслуженный покой и счастье» [28, с. 57]. Тело А. Зиновьева было перевезено в Россию и похоронено в родовом имении в селе Копорье Санкт-Петербургской губернии.

Другим известным случаем стала история «русского самурая» Василия Рябова – разведчика, схваченного японцами летом 1904 г. и расстрелянного 31 августа 1904 г. Л. В. Голубев, участвовавший в эксгумации тела Рябова в 1909 г., сообщал, что японцы долго не могли добиться от него никаких сведений: при допросах Рябов держал себя так спокойно и храбро, что японцы из уважения к его

поведению спросили последнее его желание, тогда Рябов спросил, где Россия и просил расстрелять и похоронить его так, чтобы «глаза его были направлены в сторону России» [2, л. 79]. Место гибели Рябова было указано майором японского генерального штаба Хамао Мотэ, распоряжавшегося казнью Рябова, который передал в Санкт-Петербург копии схем захоронения героя, собственноручно им сделанные [3, л. 12 об]. По этим данным была найдена могила Рябова в горном ущелье Цышань, в 15 верстах от станции Янтай. При эксгумации тела в сентябре 1909 г. кости Рябова оказались в истлевшем китайском платье со вполне сохранившимися сапогами-уллами [2, л. 79]. Рябов был перезахоронен в его родном селе Лебедёвка Пензенской губернии, причем японцы бесплатно предоставили вагон для перевозки останков по Южно-Маньжурской железной дороге (ЮМЖД) [13, с. 8–9].

Японское военное командование сразу после окончания войны приняло меры к «упорядочению» русских военных кладбищ и могил в районе полосы отчуждения ЮМЖД в Южной Маньчжурии. В составленном японским драгоманом при квантунском генерал-губернаторе Таро Яно очерке «по собиранию прахов русских воинов, павших на войне, и урегулированию их кладбищ» (он был передан Л. В. Голубеву и Л. М. Болховитинову в 1909 г.) было отмечено, что во время военных действий главный начальник Ляодунских этапов приказал искать места, где похоронены русские и японские воины, собирать их прах и хоронить в определенных, более заметных местах; оставленные же русскими армиями кладбища тщательно охранять [3, л. 17–17 об]. После похорон комендант этапа обязан был ставить памятники по образцу русских (это были и просто деревянные столбы с надписями, и деревянные или каменные кресты с надписями на русском и японском языках) [13, с. 12–13; 15, с. 10–11].

Самая большая работа была проделана японцами в Порт-Артуре: после окончания Русско-японской войны губернатор Квантунской области генерал Осима создал комиссию для «урегулирования русских могил» [3, л. 17]. В очерке «По перехоронению русских воинов, павших при осаде Порт-Артура» было указано,

что японцы просили русские власти заняться этим вопросом, но «за медлительностью ответа и за невозможностью оставлять разрытые, размытые водой могилы» они взяли на себя заботу по устройству русских кладбищ в Порт-Артуре [13, с. 13]. У подножия горы Ансисан (Саперная) в 1907 г. по инициативе генерала Осимы в честь русских защитников Порт-Артуа был сооружен мемориал в европейском стиле из мрамора и гранита, привезенных из Японии. Открытие и освящение памятника произошло 10 июня (нов. ст.) 1908 г. с приглашением русской делегации. Церемонией руководил бывший командующий японской осадной армией под Порт-Артом генерал Мересукэ Ноги. Освящал церемонию открытия начальник Русской духовной миссии в Пекине епископ Иннокентий [18, с. 158–160]. С двух сторон этого памятника были сделаны надписи – на русском и японском языках. Надпись на японском языке гласила: «Бренные останки неприятельских воинов, павших по несчастной судьбе на поле сражения, безразлично как и своих, должны быть преданы земле, тем более что бывшие враги превратились в друзей» [13, с. 11]. В брошюре «Забытые могилы» было отмечено «чисто рыцарское» отношение японского правительства, армии и народа к памяти «бывших противников – русских воинов» [15, с. 12].

На устройство русских военных кладбищ в Маньчжурии японцами было израсходовано 17 270 иен, что соответствовало 17 тыс. руб. Из этой суммы 8 тыс. руб. потратили на работы в Порт-Арте, 3 тыс. руб. – в Мукдене, 2,5 тыс. руб. – в районе Тюренчена, 1,5 тыс. руб. – в районе Ляояна [13, с. 13]. Между тем существующие кладбища русских воинов в Южной Маньчжурии приходили в запустение, их состояние вызывало тревогу. В отчете начальника штаба Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи Н. Г. Володченко от 7 марта 1909 г. сообщалось, что кладбища в г. Дальнем и на ст. Вафангян вследствие отсутствия надзора подверглись «расхищениям со стороны китайцев», кладбища у ст. Ляоян и у г. Мукдена «приходят в полное запустение», на кладбище у ст. Гунчжулин «все деревянные кресты спилены китайцами» и проч. [1, л. 16]. По сведениям

полковника Л. М. Болховитинова, переданным Л. В. Голубеву в апреле 1909 г., отдельные могилы русских воинов будет «крайне затруднительно» разыскать, ибо многие из них «в настоящее время запаханы», так как солдаты хоронили павших товарищей в пахотной мягкой земле, а китайцы «дорожат каждым клочком земли». Болховитинов подчеркнул: «Японцы, самым тщательным образом устраивающие и сохраняющие памятники своих воинов, видимо, недоумевают нашему равнодушию к могилам павших на войне воинов... Принятие мер к устройству наших кладбищ является вопросом поддержания достоинства русского имени. Если пропустить еще 1–2 года, от многих кладбищ не останется и следа» [2, л. 4–4 об].

Судя по отчетам, дипломатической переписке и донесениям военных агентов, именно инициативы японцев по увековечению памяти русских воинов заставили озаботиться устройством кладбищ и памятников в Маньчжурии. Российские чиновники усматривали в деятельности японцев злой умысел, демонстрацию превосходства японского благородства над русским варварством. Для России необходимо было поддержание образа великой державы, но удручающее положение захоронений разрушало этот образ. В феврале 1909 г. после Высочайшего рескрипта Николая II на имя П. Н. Столыпина был создан Комитет по увековечению памяти русских воинов, павших в войне 1904–1905 гг., под председательством сестры императора вел. кн. Ольги Александровны (в дальнейшем – Комитет. – *М. К.*). В Маньчжурию осенью 1909 г. были отправлены участники Русско-японской войны член Комитета доктор Л. В. Голубев и полковник Л. М. Болховитинов. Им было поручено осмотреть все известные кладбища воинов, а также отыскать в окрестностях селения Янтай место погребения рядового Рябова. После осмотра захоронений и кладбищ они представили доклад, в котором отмечали, что японцами совершена «громадная работа» по устройству русских захоронений, затрачены большие средства и усилия [13, с. 13]. На заседании Комитета 13 ноября 1909 г. было решено возместить японскому правительству все издержки и выразить японскому послу благодарность

Комитета за меры, принятые японским правительством «по приведению в порядок мест погребения наших воинов» [1, л. 13 об]. От Комитета в Маньчжурию в июне 1910 г. был командирован генерал С. А. Добронравов для приведения в «достодолжный вид» русских кладбищ и установки памятников.

Объехав Маньчжурию и будучи удручен состоянием русских захоронений, Добронравов докладывал в Комитет в письме от 10 августа 1910 г.: «К нашему великому стыду, военное кладбище в Харбине сильно запущено. В Порт-Артуре храм совершенно опустелый. В храме нет ничего – уцелела только надпись над бывшим иконостасом: „Заповедь новую даю вам, да любите друг друга“» [5, л. 70 об]. В докладе Комитету от 15 августа 1912 г. он сообщал о кладбище в Дальнем (Дайрене): «Почти ни одного памятника уцелевшего, деревянные кресты поломаны, ограды разорены». Его удивило, что местные русские жители не сочли своей обязанностью, «национальным долгом» позаботиться о приведении «хотя бы в самый бедный, но опрятный вид русского нашего кладбища» [6, л. 173]. Будучи в Порт-Артуре, Добронравов также отметил, что рядом с «великолепно убранными» японскими кладбищами стоят «беззащитные, полуразрушенные памятники и кладбища наши», а сопровождавшие его японские чиновники «высказали свое крайнее удивление по поводу небрежного ухода» за русскими захоронениями [6, л. 178].

Добронравов в докладе упомянул статью Анны Ивашкевич о ее поездке с семьей из Харбина в Дайрен и Порт-Артур в сентябре 1911 г. [16], в которой высказывалось «большое негодование и ропот по адресу русских, забывших своих доблестных воинов, геройски погибших в минувшую войну» [6, л. 174]. А. К. Ивашкевич в этой статье отметила у японцев особый культ погибших воинов, когда «каждый павший за родину считается святым, все равно, был ли это японец или враг» [8, 16 с. 998]. При посещении Порт-Артура семья Ивашкевичей отправилась поклониться «дорогим могилам» на русское кладбище и увидела поставленный японцами «белый мавзолей»: «Подавленные, в безмолвии долго стояли мы перед этим памятником, среди этих безмолвных

могил! Не горе по павшим пришибло душу, пригнуло головы книзу! Пасть за родину великое дело. Слава павшим! Нет! Стыд, мучительный стыд и обида за них. Что сделала Россия для своих защитников, чем почтила память своих геройских борцов на месте их страданий? Чужие, вражеские, торжествующие руки собрали их тела, воздвигли им памятник, убирают, держат в порядке места их последнего успокоения» [16, с. 1003]. Деятельность японцев показалась автору статьи «обидной» и выглядела «как бы насмешкой» [16, с. 1004].

Надо сказать, что в итоге за 1910–1914 гг. С. А. Добронравовым с помощниками было благоустроено 18 кладбищ в Маньчжурии, куда перенесли прахи с могил русских воинов, установлены памятники на братских могилах, построен храм во имя Христа Спасителя в память русских воинов сухопутной армии, павших на войне 1904–1905 гг. на русском кладбище в Мукдене [14; 20; 21; 22; 25].

Параллельно с вопросом устройства кладбищ в Маньчжурии встал вопрос о захоронениях русских моряков в Японии: японцы хоронили русских, умерших от ран и болезней в лагерях военнопленных, а также моряков, останки которых были выброшены на Японские острова [26, с. 98]. Кладбища содержались на пожертвования местных жителей или на средства японского военного ведомства. Как отметила в своей статье Е. В. Исакова, «как ни парадоксально, хранителями русских могил оказались наши военные противники – японцы» [17, с. 149]. Часть русских могил, в том числе моряков, погибших в Цусимском бою, была сосредоточена на православном кладбище в Нагасаки, которое, по словам российского консула в Нагасаки З. М. Поляновского, находилось в «неудовлетворительном состоянии», деревянные кресты сгнили и пришли в негодность, и он в 1908 г. просил о выделении средств на постройку героям общего памятника и простых плит на могилах [8, л. 5, 7]. Российский посол в Токио Н. А. Малевский-Малевиц в письме в МИД в сентябре 1908 г. указывал, что японское военное ведомство давно привело в полный порядок могилы русских воинов на японских военных

кладбищах и поставило на них памятники и надгробные камни, и сравнение могил наших воинов, покоившихся на единственном русском кладбище, с могилами русских на японских кладбищах «крайне невыгодно для первых и может служить предметом, нежелательным для замечаний» [8, л. 3].

Японское военное министерство в 1908 г. передало список мест в Японии, где были погребены 464 русских воина и моряка [3, л. 57–74], после чего в августе 1908 г. некоторые места захоронений посетил архиепископ Токийский Николай (Касаткин), а затем весной 1909 г. поездку для осмотра русских могил на Японских островах совершил военный агент в Японии В. К. Самойлов, отметив, что все кладбища содержались хорошо, местные жители соорудили памятники на свои средства [17, с. 154–157; 26, с. 96]. Было решено перенести тела погибших русских воинов на три основных военных кладбища в Японии: в Нагасаки (д. Инаса), Мацуяма и Хамадера (сейчас Идзумиоцу). Перенесение прахов 252 воинов было проведено с 20 по 25 июня 1909 г. 14 сентября 1909 г. состоялось торжественное открытие и освящение памятника на кладбище в Нагасаки. Для проведения церемонии японским командованием были задействованы крейсер «Идзуми», 4 эсминца, рота морского десанта, 2 батареи тяжелой артиллерии (для перевозки гробов на лафетах) и морской оркестр из военно-морской базы в Сасебо [26, с. 99]. И в дальнейшем японцы, обнаружив захоронения русских воинов, настаивали на особых ритуалах: когда 29 мая 1911 г. в Нагасаки погребали останки поручика Лебедева и двух нижних чинов, комендант крепости полковник Накагава составил подробный план церемонии, которой японские военные желали почтить память русских воинов: встреча прахов на вокзале, установка гробов на японскую военную повозку, покрытую черным покрывалом и двумя русскими флагами – андреевским и консульским, торжественное шествие, погребальный салют [3, л. 102–103]. В донесении российского генерального консула в Нагасаки от 29 мая 1911 г. о церемонии отмечалось, что «от нашего военного ведомства не было сделано ничего в pendant к блестящим подношениям японцев» [3, л. 104].

Останки русских воинов, погибших в Русско-японской войне, находились и в Корее: могилы были разбросаны по берегу р. Ялу и по северо-восточному морскому побережью, несколько членов экипажа крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец» были похоронены в Чемульпо. Еще в январе 1907 г. российский Генеральный консул в Сеуле предложил перенести прах моряков из Чемульпо с иностранного кладбища на русский участок дипломатической миссии в Сеуле и над братской могилой героев устроить первый в Корее православный храм. 5 января 1909 г. последовала Высочайшая резолюция Николая II о сооружении в Сеуле храма-памятника, в смету Синода была внесена сумма в 30 тыс. руб. на его постройку, но бюджетная комиссия Государственной думы отклонила этот проект в 1910 г. [4, л. 1].

Японское военное министерство предоставило сведения о 26 братских могилах русских воинов в Северной Корее, в основном погибших в бою под Тюренченом. На большинстве могил японцы поставили кресты и сделали надписи по-корейски: «Храбрые воины, защищавшие честь своего отечества, мир вашему праху!», были могилы с русскими и японскими надписями [4, л. 15, 39]. В письме из Управления генерала-квартирмейстера штаба Приамурского военного округа в Главное управление Генштаба 26 марта 1910 г. предлагалось привести эти могилы в «должный порядок» и принять их «на наше попечение», так как «полная безучастность и равнодушие с нашей стороны» к памяти погибших воинов «сильно роняют престиж России в глазах японцев и корейцев», среди которых «весьма сильно развито уважение к памяти усопших, особенно воинов, погибших в сражениях» [4, л. 15]. Для осмотра этих могил летом 1910 г. был направлен консульский агент в Гензане штабс-капитан Н. Н. Бирюков, который обнаружил 76 останков в 25 местах и составил подробную карту захоронений [4, л. 17–18, 33–36]. Первоначально предполагалось перенести все прахи русских воинов в Корее на русский участок кладбища дипломатической миссии в Сеуле. Однако в сентябре 1910 г. по просьбе командира 7-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, расположенного в Новокиевске, было решено перенести останки

русских воинов не в Сеул, а в Новокиевск (сейчас пос. Краскино в Приморье). В январе 1911 г. в депеше генерального консула в Сеуле А. С. Сомова был указан приблизительный расход на перевозку останков из Кореи в Приморье – 8700 руб. [4, л. 28–29]. Но никаких действий за этим не последовало.

28 сентября (11 октября) 1911 г. в японской газете «The Seoul Press» вышла заметка «Могилы русских солдат в Корее», в которой подчеркивалось, что со времени окончания войны «никто этих могил не посетил», к ним не была «проявлена заботливость», так что они пришли «в полный упадок» («they have gone to ruin»). По сообщению газеты, японские офицеры и солдаты решили восстановить могилы и открыли между собой подписку, чтобы взять захоронения на «попечение японских войск» [4, л. 74]. Начальник Российской духовной миссии в Корее архимандрит Павел в письме в Комитет от 29 сентября 1911 г. заметил: «Японцы публично обличают нас, русских, в небрежном и неуважительном отношении к могилам воинов, свою кровь проливших за честь русского имени в далекой стране, и японцы же дают нам урок благоговейного отношения к останкам наших воинов. Не должны ли мы испытывать тяжесть и смущение от такого урока, преподанного нам, православным христианам, публично японцами-язычниками?» [4, л. 69 об].

6 октября 1911 г. в МИД поступило донесение от секретаря российского Генерального консульства в Сеуле С. В. Чиркина, в котором говорилось, что на обеде 5 октября 1911 г. глава жандармерии Кореи генерал Акаси сообщил, что японцы в округе Пхеньян предполагают приступить к устройству русских могил, чтобы к началу зимы привести их в порядок. Чиркин подчеркнул, что необходимо устранить японцев от «охранения мест погребения наших воинов», так как забота о сохранении памяти «положивших живот свой за родину» – это «вопрос национальной чести» [4, л. 78]. Тогда Морским министерством было принято решение срочно перенести останки моряков «Варяга» и «Корейца» из Чемульпо во Владивосток, на эти цели выделили 3200 руб. [8, л. 85]. В декабре 1911 г. останки героев «Варяга» с воинскими почестями

были перезахоронены в братской могиле на Морском кладбище Владивостока [9, с. 103]. Дело о перенесении останков русских воинов сухопутной армии из Кореи в Новокиевск взял на себя военный агент в Японии В. К. Самойлов, и 6 июня 1913 г. состоялась торжественная передача тел в Чхонджине, откуда они морем были доставлены в Новокиевск [4, л. 110–112].

Возможно, именно японские церемонии повлияли на организацию генералом С. А. Добронравовым в Порт-Артуре торжественных похорон шести тел русских моряков, обнаруженных на броненосце «Петропавловск» [10; 26, с. 100]. Морской агент в Китае и Японии А. Н. Воскресенский считал, что создавать из этого события особый церемониал и «снова тревожить старые начинающие заживать раны нашего самолюбия», давая повод японцам «лишний раз гордиться своими победами и великодушием», нежелательно и лучше было бы похоронить останки моряков «скромно и без шума в печати» [10, с. 53]. Однако руководство Морского министерства приняло решение провести похороны со всеми возможными почестями, выделив на эти цели около 2 тыс. руб. Торжественная церемония состоялась в Порт-Артуре 24 июня 1913 г. и, по словам С. А. Добронравова, погребение было обставлено «поистине великолепно» [7, л. 49]. Российский консул в Дайрене В. В. Траутшольд в письме в МИД и послу в Токио от 25 июня 1913 г. сообщал об участии в торжественных похоронах японцев, которые предоставили эскорты конной полиции, а японские солдаты впряглись в лафеты, на которых стояли гробы с останками моряков, и повезли их «на своих плечах»: «Оказанные почести японцами глубоко растрогали нас всех и поразили своей полной неожиданностью» [7, л. 65]. В церемонии похорон останков русских моряков с «Петропавловска» в русской прессе увидели возможное желание Японии «лишний раз напомнить русскому обществу о том, кто был победителем в недавно закончившейся войне». А. Н. Воскресенский в ответ на это возразил, что японские власти руководствовались желанием «оказать почет и уважение по отношению к памяти наших павших воинов», и отметил: «...видеть в этом какую-то заднюю мысль я положительно не могу» [10, с. 58].

Ситуация в Маньчжурии после Русско-японской войны высветила как общие моменты, так и различия в отношении японцев и русских к увековечению памяти о войне. Деятельность японцев по приведению в порядок русских захоронений и созданию памятников погибшим русским воинам как в Южной Маньчжурии, так и в самой Японии сразу после войны стала провоцирующим фактором, побуждающим мотивом для обустройства кладбищ в Маньчжурии русскими представителями, а также установки памятников воинской славы в России. Торжественный японский церемониал, включавший погребальную процессию, воинские почести, религиозные обряды, использование символов воинской славы, был переосмыслен, и отдельные элементы использовались русскими представителями при перезахоронениях русских воинов в 1909–1913 гг. Русские кладбища в Китае и в дальнейшем содержались японцами, но после 1945 г. оказались заброшенными, большинство памятников было уничтожено. С началом 2000-х гг. появилась возможность посетить и частично обследовать оставшиеся в Китае русские кладбища, началась работа по увековечению памяти русских военных, похороненных на китайской земле [14; 25, с. 17]. Тема создания и поддержания воинских мемориалов за границей и сегодня остается актуальной, так как она касается не только отношения к исторической памяти, но и вопросов национального достоинства и репутации страны.

ИСТОЧНИКИ И БИБЛИОГРАФИЯ

1. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 552. Контора двора вел. кн. Ольги Александровны и принца П. А. Ольденбургского. Оп. 1. Д. 241.
2. РГИА. Ф. 552. Оп. 1. Д. 247.
3. РГИА. Ф. 552. Оп. 1. Д. 250.
4. РГИА. Ф. 552. Оп. 1. Д. 251.
5. РГИА. Ф. 552. Оп. 1. Д. 254.
6. РГИА. Ф. 552. Оп. 1. Д. 258.
7. РГИА. Ф. 552. Оп. 1. Д. 263.
8. РГИА. Ф. 565. Департамент государственного казначейства Министерства финансов. Оп. 7. Д. 27989.

9. *Богословский А.* Корреспонденция из Владивостока (Перевезение останков героев «Варяга») // Вестник военного и морского духовенства. 1912. № 2. С. 102–103.

10. *Бочаров А. А.* Обнаружение, опознание и похороны останков офицеров, погибших на броненосце «Петропавловск» // Новый часовой: Русский военно-исторический журнал. 2004. № 15–16. С. 51–58.

11. *Глезеров С.* Петербургские окрестности. Быт и нравы начала XX века. М. : Центрполиграф; СПб. : Русская тройка-СПб, 2013. 607 с.

12. *Гузанов В. Г.* Всех поименно назвать: Русский некрополь в Японии // Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 3. С. 100–103.

13. Доклад и отчет по обзору кладбищ и могил русских воинов в Маньчжурии [составленный] членом Комитета Л. В. Голубевым и полковником Генерального штаба Л. М. Болховитиновым. СПб. : типография железнодорожных изданий А. В. Штольценбурга, 1909. 64 с.

14. *Еремин С. Ю.* Храм Христа Спасителя и поклонный крест на Путиловской сопке под Мукденом // Arte. 2019. № 1. С. 57–71.

15 Забытые могилы. Харбин : изд-во М. В. Зайцева, 1938. 51 с.

16. *Ивашкевич А. К.* У недавних победителей (Риоюн (Порт-Артур), Дайрен (Дальний)) // Исторический вестник. 1912. Т. 127. № 3. Январь – март. С. 992–1005.

17. *Исакова Е. В.* Русские военные могилы в Японии // Из истории религиозных, культурных и политических взаимоотношений России и Японии в XIX–XX веках. СПб., 1998. С. 149–159.

18. *Коваль А. И.* Воинский мемориал России в Порт-Артуре // Проблемы Дальнего Востока. 2003. № 4. С. 158–165.

19. *Ларин В. В.* Великий юбилей «Великой години» // Звезда. 2012. № 7. С. 87–110.

20. *Ларин В. В.* Малоизвестные памятники русским воинам на территории Китая. I. Захоронение на месте Тюренченского боя (битвы при р. Ялу) // Общество и государство в Китае. 2015. Т. 45. № 2. С. 662–670.

21. *Ларин В. В.* Малоизвестные памятники русским воинам на территории Китая. II. Крест на реке Шахэ // Общество и государство в Китае. 2016. Т. 46. № 2. С. 543–550.

22. *Левовишко С. С.* Строительная деятельность Комиссии по увековечению памяти Русско-японской войны в Маньчжурии, 1909–1913 гг. // Архитектурное наследство. Вып. 48. М. : ЛКИ, 2007. С. 258–266.

23. *Меццержаков А.* Упразднение тела: японский тоталитаризм и культ смерти // Отечественные записки. 2013. № 5 (56). С. 157–174.

24. Михайлова Ю. Д., Молодяков В. Э. Россия и Япония: «образы» и «репрезентации» // Знакомьтесь – Япония. 2009. № 50. С. 34–42.
25. Огороков А. В. Русские захоронения в Китае. М. : Ин-т наследия, 2023. 424 с.
26. Шугалей И. Ф. Воинские захоронения Русско-японской войны в Китае, Корее и Японии // Россия и АТР. 2004. № 2. С. 96–101.
27. Шулатов Я. А. На пути к сотрудничеству: российско-японские отношения в 1905 – 1914 гг. Хабаровск : изд-во Ин-та востоковедения РАН, 2008. 320 с.
28. Энгельгардт Б. А. Воспоминания камер-пажа // Военно-исторический журнал. 1993. № 12. С. 54–59.
29. Якоб Ф. Русско-японская война и ее влияние на ход истории в XX веке. СПб : Academic Studies Press / БиблиоРоссика, 2022. 239 с.